

О конечном обосновании этики частной собственности

Ханс-Херман Хоппе

В своем выдающемся сочинении «Человеческая деятельность» (Human action) Людвиг фон Мизес показал, что теория экономики полностью определяется принятой концепцией действия и целиком из нее выводится (с привлечением нескольких ясно сформулированных общих допущений относительно эмпирической реальности, в которой это действие совершается). Такое концептуальное представление — из которого вытекает теория экономики, т. е. учение о ценах и стоимости, целях и средствах, выборе, предпочтении, прибыли и убытках — он называет «аксиомой действия» и поясняет, в каком смысле его следует считать *априорным*: оно выводится не из чувственного восприятия, а на основе умозрения (мы не можем наблюдать действий непосредственно, но лишь интерпретируем определенные физические явления как действия). И что самое главное: это представление невозможно опровергнуть никаким опытом, поскольку всякая попытка сделать это уже предполагает, что действие существует и что действующий субъект сознает категории действия (ведь опытное переживание чего-либо, в конечном счете, само является интенциональным актом).

Ханс-Херман Хоппе — почетный профессор экономики Университета Невады в Лас-Вегасе, выдающийся старший научный сотрудник Института Мизеса и президент Property and Freedom Society.

Перевод: Андрей Темкин

Редактура и оформление: Андрей Шевцов

Реконструировав таким образом экономку на основе *априорно* верного утверждения, Мизес имеет право заявить, что дал ее конечное обоснование. Экономку, обоснованную таким образом, он называет «праксеологией», т. е. логикой действия, подчеркивая этим, что ее положения могут быть строго доказаны исходя из неоспоримой аксиомы-действия и столь же несомненных законов логической аргументации (таких как законы тождества и противоречия), — т. е. совершенно независимо от какой бы то ни было эмпирической проверки (каковую используют, например, в физике). Но хотя Мизес — благодаря выдвинутой им идее праксеологии и построенной на ее основе целостной системе праксеологической мысли — может считаться крупнейшим представителем традиции европейского рационализма, находящейся в постоянном поиске собственных надежных оснований, он не разделяет стремления искать надежные основания в другой сфере: этической. По Мизесу, положения этики не могут быть обоснованы в строгом смысле, как положения экономической теории. Экономическая теория, безусловно, может дать заключение о том, насколько пригодны известные средства для достижения известных целей; однако о том, можно ли считать эти цели справедливыми, не способна судить ни экономика, ни какая-либо другая наука. Выбор той или иной цели обосновать невозможно. С научной точки зрения такой выбор совершенно произволен, зависит от личной прихоти и не имеет иного объяснения, кроме субъективной склонности. Многие либертарианцы (не говоря об их оппонентах) являются в этом вопросе последователями Мизеса. Как и Мизес, они отказались от идеи рационального обоснования этики. Разумеется, они (как и сам глава школы) постарались извлечь максимум возможного из утверждения экономической теории, согласно которому либертарианская этика частной собственности обеспечивает самый высокий уровень жизни, а большинство людей, естественно, предпочитает высокий уровень жизни низкому, — поэтому, заключают они, либертарианизму суждено широкое распространение. Но, в конечном счете, — и Мизес прекрасно это понимал — подобные соображения могут убедить в правоте либертарианизма лишь тех, кто уже принял «утилитаристскую» цель повышения всеобщего благосостояния. Для тех же, кто этой цели не разделяет, они не имеют доказательной силы. Таким образом, при тщательном рассмотрении выясняется, что либертарианизм основан лишь

на произвольном веровании (пусть даже весьма распространенном).

Далее я попытаюсь показать несостоятельность этой позиции и наметить способ строгого обоснования либертарианской этики частной собственности (восходящей в своей основе к Локку). По сути дела, я выдвигаю аргумент в поддержку либертарианизма с позиций естественного права, за что ратует видный представитель современного либертарианского движения Мюррей Н. Ротбард, — особенно показателен в этом отношении его труд «Этика свободы». Однако мой довод, позволяющий строго обосновать право частной собственности, не совпадает с тем, который традиционно выдвигают сторонники естественного права. Я опираюсь не на эту традицию, а на Мизеса с его идеей праксеологии и праксеологических доказательств.

Я попытаюсь доказать, что с помощью правильных аргументов можно обосновать лишь либертарианскую этику частной собственности, поскольку она является праксеологической предпосылкой аргументации как таковой, между тем как всякое другое, нелибертарианское этическое положение идет вразрез с явно выражаемым предпочтением индивида. Подобное, нелибертарианское, положение, разумеется, можно высказать, но его пропозициональное содержание будет противоречить той этике, предпочтение которой отдает индивид самим актом высказывания, т. е. его вовлеченности в процесс аргументации как таковой. Можно, к примеру, сказать: «Люди абсолютно безразличны к собственным действиям», — но содержание этого утверждения проти воречит самому акту высказывания, оно опровергается этим актом, который в действительности уже продемонстрировал личное предпочтение человека, решившего не промолчать, а высказаться, причем именно так, а не иначе. Таким образом, положения нелибертарианской этики опровергаются самим фактом их произнесения.

Чтобы прийти к этому выводу и по достоинству оценить его значение и логическую силу, необходимо хорошо понять две вещи.

Во-первых, вопрос о том, что верно, а что неверно (более обобщенно: что такое истинное и ложное утверждение вообще), возникает лишь потому, что я и другие люди способны обмениваться утверждениями, т. е. аргументированно полемизировать. Этот вопрос не возникает применительно к камню или рыбе,

поскольку они не способны к такому обмену и к высказыванию утверждений, претендующих на истинность. Но если дело обстоит именно так (а отрицать этого нельзя, не впадая в противоречие с самим собой, как нельзя доказывать, что доказать ничего нельзя), тогда следует принять, что высказывание на этическую тему, равно как и всякое другое, ставит нас перед необходимостью его аргументативной проверки. (Нужно полагать, что Мизес, поскольку он выдвигает экономические утверждения, считает так же.) В самом деле, формулируя то или иное утверждение, словесное или мысленное, мы тем самым демонстрируем свое предпочтение, состоящее в желании опираться на аргументы с целью убедить в чем-то самих себя или других. Поэтому очевидно: подтвердить что-либо можно лишь посредством аргументации и обмена утверждениями. Значит, если можно доказать, что содержание некоего этического утверждения логически несовместимо с выраженной убежденностью его автора в том, что истинность этого утверждения требует аргументативной апробации, то данное утверждение в строгом смысле следует признать несостоятельным. Вскрыв подобное несоответствие, мы тем самым докажем невозможность утверждения как такового, нанеся оппонентам самый сокрушительный удар, который мыслим в интеллектуальной сфере.

Во-вторых, следует отметить, что аргументация не сводится к произвольной игре утверждений: это вид деятельности, требующий применения лишь тщательно подысканных средств; более того, эти средства, которые индивид избирает для обмена утверждениями, принадлежат к разряду частной собственности. Очевидно, что в отсутствие исходной предпосылки, согласно которой человек изначально обладает исключительным правом распоряжаться своим физическим телом, никто не мог бы ни сам утверждать что-либо, ни внять аргументам, убеждающим в истинности другого утверждения. Именно взаимное признание собеседниками исключительного права друг друга распоряжаться собственным телом объясняет особый характер обмена утверждениями: если не удастся достигнуть согласия относительно содержания сказанного, можно, во всяком случае, согласиться в том, что налицо разногласие. Не менее очевидно следующее: право собственности на свое тело должно быть признано априори. Ибо всякий, кто хочет обосновать какую-либо норму, изначально опирается на другую норму: свое исключительное право

распоряжаться собственным телом — хотя бы для того, чтобы иметь возможность сказать: «Полагаю, что дело обстоит так-то и так-то». Всякого, кто станет оспаривать это право, уличат в прямом противоречии, ибо, высказав такое утверждение, он прежде должен был имплицитно признать ту самую норму, которую отрицал.

Далее: равным образом невозможно сколько-нибудь продолжительное время защищать свои аргументы, полагаясь на их убедительность, если не позволено будет по праву гомстеда присваивать ограниченные средства, доступные в ближайшем соседстве с нашим телом, т. е. использовать их прежде, чем это сделает кто-то другой, и если подобные средства, равно как и исключительное право распоряжаться ими, не будут определены объективно, т. е. физически. Ведь если бы ни у кого не было права распоряжаться ничем, кроме собственного тела, мы все прекратили бы свое существование, и проблема обоснования норм, как и все прочие наши проблемы, попросту отпали бы сами собой. Поэтому, исходя из того, что мы живы, приходится предположить, что права собственности на другие вещи тоже действительны. Никто из живущих не может утверждать обратного.

Если бы человек не обрел исключительного права распоряжаться подобными благами согласно практике гомстеда, т. е. устанавливать некую объективную связь между самим собой и ограниченным ресурсом прежде, чем это сделает кто-то другой, — иначе говоря, если бы считалось, что «опоздавшие» могут предъявлять права на эти средства, тогда буквально никто не мог бы совершать никаких действий ни с какими предметами, так как, прежде чем сделать задуманное, пришлось бы всякий раз заручаться согласием вновь приходящих. Следуя этому правилу, никому не удалось бы выжить — ни нам, ни нашим предкам, ни нашим потомкам. Очевидно следующее: неперенным условием, позволяющим человеку что-либо утверждать — в прошлом, настоящем или будущем, — является для него возможность выживания. Если мы хотим действовать, мы не можем рассматривать права собственности безотносительно ко времени и как принадлежащие неопределенному числу людей. В действительности эти права берут начало в действиях, совершаемых в определенные моменты времени конкретными индивидуумами. Иначе никто не мог бы в нужный момент времени что-то произнести и никто не мог бы среагировать на реплику. Даже простое

утверждение, что либертарианским правилом — согласно которому первым обладателем прав является тот, кто их первым использовал, — можно пренебречь или доказать его ошибочность, содержит противоречие, поскольку сама возможность сделать подобное заявление предполагает существование говорящего как цельного индивида, способного принимать независимое решение в тот или иной момент времени.

И наконец, ни действие, ни утверждение не были бы возможны, если бы приобретенное по праву гомстеда определялось не объективно, т. е. не по физическим признакам (и если бы агрессия не определялась, соответственно, как вторжение чужой физически целостной собственности), а исходя из субъективных ценностей и оценок. Ибо, хотя от каждого зависит, насколько его собственные действия повлияют на физическую целостность их объекта, решение о том, влияют ли эти действия на ценность чужой собственности, зависит от других людей и их оценок. Человеку пришлось бы опросить всех живущих в мире и прийти к соглашению с ними, чтобы удостовериться, что задуманные им действия не изменят оценок других людей в отношении их собственности. Разумеется, на это не хватит всей жизни. Более того, мысль о том, что ценность, присущая собственности, нуждается в защите, нельзя обосновать никакими аргументами. Ведь даже для того, чтобы сделать подобное утверждение, придется предположить, что действия нужно разрешить прежде всяких соглашений, ибо без такого разрешения сделать это утверждение было бы невозможно. Если же это возможно, то лишь потому, что имеются объективные границы собственности, т. е. границы, которые каждый способен опознать без посторонней помощи, без необходимости в предварительном соглашении с кем-либо другим относительно чужих систем ценностей и оценок.

Итак, уже тот факт, что мы живем и можем формулировать различные утверждения, доказывает несостоятельность всякой другой этики, кроме либертарианской этики частной собственности. Ведь иначе, если бы считалось, что «опоздавшие» вправе предъявить требования на [уже присвоенные] вещи, или если бы вещи, составляющие чью-то собственность, определялись по субъективным критериям, никто не выжил бы в качестве физически независимого индивидуума, способного в любой момент принимать решения, а значит, никто не мог бы высказывать утверждений, притязающих на истинность.

На этом я заканчиваю априорное обоснование этики частной собственности. Чтобы придать нашему рассуждению завершенный вид, вернемся к затронутой выше теме и сделаем несколько замечаний о соотношении «праксеологического» обоснования либертарианизма и двух позиций — утилитаристской и основанной на естественном праве.

Что касается утилитаристской точки зрения, то в изложенном доказательстве содержится ее строгое опровержение. Мы показали, что даже простое изложение принципов утилитаризма невозможно без наличия у индивида исключительного права распоряжаться своим телом и использовать практику гомстеда. В частности, приведенное доказательство выявляет праксеологическую беспочвенность консеквенциалистского подхода к либертарианизму: ведь признание исключительного права распоряжаться вещью никак не может зависеть от извлекаемой из нее «пользы» (или чего бы то ни было еще). Невозможно было бы ни действовать, ни высказать что-либо, если бы право частной собственности не предшествовало использованию вещи. Консеквенциалистская этика абсурдна с точки зрения праксеологии. Любая этика должна быть, напротив, «априорной» и «сиюминутной», чтобы действовать можно было здесь и сейчас, высказывая те или иные утверждения, не откладывая действия на потом. Никто из поборников этики, исходящей из результата деятельности, не смог бы жить и высказываться, если бы всерьез принял собственные советы. Поскольку же сторонники утилитаризма по-прежнему существуют, своими действиями они показывают, что их консеквенциалистское учение ложно и иным быть не может. Чтобы действовать и утверждать что-либо, права частной собственности требуются прямо сейчас, и невозможно ждать, пока их признают в будущем.

Что же касается позиции естественного права, то праксеологическое доказательство в целом поддерживает ее в вопросе о возможности рациональной этики и полностью согласуется с выводами, сделанными в рамках этой традиции (особенно с выводами М. Н. Ротбарда); однако это доказательство обладает по меньшей мере двумя преимуществами.

Во-первых, даже те, кто в остальном симпатизирует теории естественного права, всегда упрекали ее в том, что понятие человеческой природы слишком расплывчато, чтобы из него можно было вывести определенную совокупность правил поведения.

Праксеологический подход решает эту проблему, принимая за отправную точку построения этики понятие человеческой природы не в широком, а в узком смысле, т. е. сводя ее к обмену утверждениями и аргументами. Более того, есть и априорное обоснование такого выбора, ведь проблема истинного и ложного, верного и ошибочного не возникает вне или помимо обмена утверждениями, а потому никто не может поставить под сомнение выбор такой отправной точки, не впад в противоречие. Наконец, сама аргументация требует признания частной собственности, и потому праксеологически невозможно выдвигать аргументы, стремясь поставить под сомнение этику частной собственности.

Во-вторых, сторонники естественного права не преуспели в преодолении логической пропасти между экзистенциальными и нормативными утверждениями (во всяком случае, так считают очень многие), а лишь высказали ряд критических замечаний о бесспорной значимости дихотомии факта и ценности. Здесь преимущество либертарианского праксеологического дискурса состоит в том, что он предлагает обоснование частной собственности, совершенно независимое от ценности. Он использует исключительно экзистенциальные утверждения и отнюдь не пытается выводить «должное» из «наличного». Структура этого аргумента такова: а) обоснование является пропозициональным — априорно верное экзистенциальное утверждение, б) аргументирование полагает тело как собственность и исходит из принципа гомстеда — априорно верное экзистенциальное утверждение и в) никакое отступление от этой этики не может быть обосновано с помощью аргументов — априорно верное экзистенциальное утверждение. Это доказательство одновременно дает ключ к пониманию природы дихотомии факта и ценности: нормативные утверждения невозможно вывести из экзистенциальных утверждений. Эти утверждения относятся к разным логическим сферам. Следует, однако, признать, что в отсутствии обмена утверждениями нельзя было бы даже установить существование фактов и ценностей, а эта практика обмена, в свою очередь, предполагает признание истинности этики частной собственности. Это означает, что познание и поиск истины как таковые обоснованы нормативно. И такое нормативное основание, на котором зиждется познание и истина, есть не что иное, как признание прав частной собственности.